

отражает и древнее «смеховое поведение». Ведь «насолить» кому-нибудь означает причинить обиду: это выражение восходит к одной из древнейших застольных шуток – незаметно для сотрапезника круто посолить его блюдо, не требующее соли, или сладкое питье.

В средневековой Европе аналогичная шутка считалась одной из проказ дьявола. Симон Гребан в «Мистерии деяний апостолов» (XV век) изобразил дьяволенка Пантагрюэля, воплощающего соленую морскую стихию: он имеет «особое отношение к соли и к пробуждению жажды»; по ночам этот чертенок бросает соль в горло спящих пьяниц, и они просыпаются с пересохшей глоткой, мучимые жаждой⁸. Этот мотив, как показано М.М. Бахтиным, получил оригинальное развитие у Рабле.

Таким образом, соль – древний и весьма многозначный культурный символ. Все богатство его значений вырастает на основе природных свойств соли и ее многосторонних применений в человеческой жизни. «Священный» характер соли как угощения отразил извечное стремление к миру и братству, а негативные аспекты символа – драму человеческой истории.

¹ Ногайские народные сказки. М., 1979. С.122 – 123.

² Kvaernen, som Staaer og Maler paa Havsens Bund. In: Asbjørnsen P.C., Moe J. Norske Folke Eventyr. Christiania, 1844.

³ Башкорт халык ижады. Т. II. Өфө, 1950: «Атаузы күле нина тозло?» (224-се бит). Запись сделана А.Н. Киреевым в Абзелиловском районе в 1936 году.

⁴ См.: Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1935. С. 25.

⁵ Андрианов Б.В. Земледелие наших предков. М., 1978. С. 56.

⁶ Рассказ о мнимом безумии Одиссея и о его разоблачении Паламедом у Гомера отсутствует, но встречается уже в «Киприях» (VII – VI вв. до н. э.).

⁷ Типы сюжетов, отсутствующих в указателях Томпсона и Аарне-Андреева, даны по «Сравнительному указателю сюжетов (восточнославянская сказка)». Л., 1979 (сокращенно – СУС).

⁸ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 353.

ДОБЫВАНИЕ ВОЛШЕБНОГО МЕЧА

Средневековый эпос чрезвычайно популяризировал образ волшебного меча, который удесятерляет боевую мощь героя. Такой меч был «индивидуален», имел свое имя: меч Зигфрида – Бальмунг, меч Роланда – Дюрандаль, меч Рено де Монтобана – Фламберж и т. д.

Дюрандаль (или Дурендард) дан Роланду его дядей Карлом Великим. Этот меч несокрушим, ибо в его рукоятке скрыты многочисленные реликвии святых. Перед смертью Роланд прощается с мечом как с живым существом и, желая его сломать, чтобы им не воспользовались враги, десять раз наносит им страшные удары по скале, но на мече нет ни малейшего повреждения (по сей день в Ронсевальском ущелье показывают «брешь Роланда» – трещину в скале, прорубленную Дюрандалем). Поразительно совпадение этого мотива со средневековым арабским романом «Антар», герой которого, окруженный полчищами врагов и не желая, чтобы им достался его меч, пытается сломать его о скалу, но меч не ломается, а рассекает камень, как Дюрандаль. Подобные свойства присущи и другим прославленным в эпосе мечам¹.

В немецкой народной книге «Чудеснейшая история о роговом Зигфриде» сказано: «Зигфрид воткнул свой меч в землю и трижды поклялся, что не отступит ни на шаг, пока не освободит красавицу»². Меч с крестообразной рукояткой, воткнутый в землю, превращался в крест (ср. мощи святых в рукоятке Дюрандаля). Однако перед таким крестом, по-видимому, не молились, а только клялись. Такая клятва на оружии гораздо древнее христианства; она была широко распространена на Востоке, а в древности – у славян. Так, заключая договоры с Византией, руссы-язычники клялись своим оружием, приговаривая: «Да не имут помощи от бога, ни от Перуна; да не ущитятся щитами своими, и да посечены будут мечами своими, от стрел и от иного оружия, и да будут рабами в этой жизни и в той»³. Этот древний обычай пережил тысячелетия. Он еще бытовал в нашем веке у народов Северного Кавказа, у донских казаков и т. д. В нем отразилось древнее отношение к оружию как живому существу или скорее даже божеству.

Ученые редко задаются вопросом: каково происхождение богатырского меча? Чем объясняется в эпосе или мифах появление «чудесного оружия» и каковы реально-исторические источники самых этих объяснений?

Происхождение волшебного меча в эпосе объясняется тройко: 1) меч дан герою богами; 2) меч выкован чудесным кузнецом; 3) меч вырыт из земли. Последний мотив типичен для русского фольклора, на нем мы еще остановимся подробнее, а пока рассмотрим эти мотивы в указанном порядке.

В известном греческом мифе Ариадна дала Тесею не только спасительный клубок ниток, но и меч.

Кодзики, «японская библия», записанная от сказителя в 712 году, повествует о том, как солнечная богиня Аматерасу даровала своему сыну, основателю императорской династии, знаки высшей власти: зеркало, шар и меч. Зеркало – символ всеведения, шар («держава») – символ обладания землей, меч – военной силы.

В сербском эпосе сабля Марка Краевича, которая рассекает наковальню, как меч Зигфрида, и рубит скалы, как Дюрандаль, подарена ему вилой (вилы – это природные духи женского рода, аналогичные древнерусским берегиням).

Мечи, дарованные богами, известны в мифах и фольклоре. Но, судя по некоторым данным, эти мечи как бы ссужались герою на срок его жизни, а после его смерти подлежали возврату. Такое понимание сохранилось в артуровском цикле. «Смерть Артура» повествует, как король Артур чудесным образом достал свой меч Экскалибур из озера, а накануне последней битвы, охваченный дурными предчувствиями, приказал его бросить в то же самое озеро, из которого вдруг поднялась белая и нежная рука, чтобы принять меч. Это рука Феи озера: меч Экскалибур возвращается к тем, кто его дал.

Отметим, что в приведенных примерах богатырский меч подарен герою сверхъестественным существом женского рода. В русской сказке «Усыня» (АТ 301 А) царевна золотого царства дает герою (Ивану-царевичу) меч-кладенец⁴. Если вспомнить при этом еще и Ахилла, сына морской нимфы Фетиды, которая принесла ему к стенам Трои новое чудесное вооружение, то невольно возникает мысль, что в этих сюжетах герой еще мыслился как сын богини (отцовство же в данных случаях несущественно), а чудесное оружие обычно было даром богини-матери или иной женщины.

Мифологический комплекс Ахилла играет ключевую роль в нашем рассмотрении, ибо оружие, принесенное Фетидой, выковал по ее просьбе Гефест, бог-кузнец. И здесь мы естественно переходим к

мечам, выкованным чудесными кузнецами. История доспехов Ахилла наглядно объединяет оба мотива. Но чаще во второй группе сюжетов богиня-мать или фея-покровительница не выступает дарительницей оружия.

В.М. Жирмунский, анализируя мотивы биографии эпического героя, выделяет в частности «добычу богатырского оружия» и к этому добавляет парентезу: «меч, обычно выкованный прославленным, особо искусным кузнецом»⁵. При этом ученый упомянул об ином происхождении мечей Артура и Марка Кралевица, но не остановил на этом внимания.

В древности Первый кузнец был богом, а все кузнецы – посредниками между богами и людьми.

Некоторые ученые считают, что до оформления олимпийской религии Гефест был солнечным богом; добровольный шут олимпийской семьи, он в ней – единственный труженик. Слияние культов, породившее эту религию, не изгладило остатков напряженности между пирами Олимпа и кузницей Этны; есть миф о том, как Зевс сбросил своего «сына» Гефеста с Олимпа (ср. библейский миф о Боге и Сатане). Менее значительна роль кузнеца в Библии, но и там отмечен в ранних генеалогиях Тубалкаин, «ковач меди и железа», т. е. первый кузнец (Бытие, 1У, 22).

У восточных славян кузнецом был сам Сварог, бог неба. На Украине долго бытовало представление о связях кузнецов с богами. Ремесло кузнецов, несмотря на окружавший их суеверный страх, считалось почетным, о чем свидетельствуют по сей день самые массовые фамилии славян: Кузнецов, Коваль, Коваленко (у поляков – Ковальский).

В древности искуснейшими кузнецами считали финнов. Герой эстонского эпоса Калевипоэг отправляется к финскому кузнецу Туслару, чтобы выковать меч. Но те же финны слыли среди своих соседей (славян и германцев) сильными колдунами, способными насыпать бурю и град.

Скандинавский бог-громовик Тор представлялся в образе гиганта, оружием которому служат боевой молот Мйольнир, пояс силы и железные перчатки: в этом наборе легко угадываются атрибуты кузнечного ремесла – молот, фартук, рукавицы.

У континентальных германцев искуснейшими кузнецами считались альбы (домовые) или цверги (подземные карлики).

Согласно «Эдде», Сигурд (Зигфрид) был воспитан искусным кузнецом (по мнению В.М. Жирмунского, альбом⁶), с помощью которого он сам сковал себе богатырский меч. Согласно «Песни о Нибелунгах», Зигфрид получил меч Бальмунг в вознаграждение за раздел клада между двумя спорящими братьями, хотя этот раздел не удовлетворил Нибелунгов⁷. Ученые считают Нибелунгов жителями «страны туманов», т. е. подземного царства; эти подземные карлики (существа отчасти сверхъестественные) и сковали Бальмунг.

Германский фольклор знает и героического кузнеца: это волшебный кузнец Веланд, о котором рассказано в «Эдде». Английский сказочный персонаж Вейланд Смит (т. е. Кузнец) сохранил черты сверхъестественного существа, которые выветрились в «Эдде».

В восточнославянских сказках типа АТ 300 А («Змееборство на мосту») помощником героя часто выступает мифический кузнец Кузьма-Демьян (или кузницы Кузьма и Демьян). Это народное переосмысление образов христианских великомучеников Козьмы и Демьяна, но оно, несомненно, наложилось на языческий архетип бога-кузнеца⁸. В сказках типа АТ 576 С* («Волшебная сабля») герой выковывает чудесную саблю с помощью колдуна.

И дарованный богами, и выкованный чудесным кузнецом меч имел сверхъестественное происхождение: этим и объяснялись его сила и крепость.

Но во многих сказках и эпических преданиях встречаются мечи найденные; в русском фольклоре богатырский меч чаще всего выкапывается из земли. Какая историческая реальность стоит за этим мотивом?

II

Появление Атилы на границах античного мира потрясло Европу. Разгромив в 447 – 448 годах Восточную империю, он стал властелином огромной державы. Мир ловил каждое известие о страшном завоевателе. В частности, со слов самих гуннов византийцы рассказывали, что меч Атилы ранее принадлежал богу войны и вырыт из земли каким-то пастухом.

Здесь первый мотив (меч божественного происхождения) соединился с третьим (выкапывание из земли). Для русского

фольклора характерен именно третий мотив: меч выкапывается богатырем из-под холма, где он хранится под заклятием и дается в руки лишь такому богатырю, который может им владеть. Волшебный меч русских сказок – это клад земной, «меч-кладенец». Правда, Еруслан Лазаревич добывает меч из-под головы богатыря – хранителя, а Бова Королевич находит в темнице, но обе эти сказки – нерусские, а вторая вообще слишком книжная.

Русская сказка никогда не задается вопросом: кто зарыл этот меч в землю?

Полагаем, что мотив выкапывания меча из земли имеет реальные объяснения историко-этнографического характера.

Прежде всего у скифов существовали святилища бога войны – огромные платформы, сложенные из пучков прутьев; на эти груды хвороста водружался старинный железный меч, олицетворение бога войны. Этому мечу скифы приносили в жертву рогатый скот и лошадей (см. «Историю» Геродота, т. 1, кн. 4). Точно так же в XIX веке у африканского народа йоруба Огун, бог кузницы и войны, был представлен мечом, хранившимся в его святилище.

Скифские союзы в III веке были покорены готами, а в 375 г. гунны разгромили готов и затопили степи Причерноморья. Думается, смешанное скифско-готское население, подпавшее под власть гуннов, еще сохраняло память о священных мечах скифского бога войны; позволительно допустить, что какому-то из вождей гуннов было поднесено такое оружие.

Святилища скифского бога войны вряд ли были многочисленны, и хворост не сохраняется, как пирамиды, но ведь кто ищет – всегда найдет. Уже в древности кладоискатели, соперники наших археологов, начали раскапывать погребения древних вождей. В этих погребениях всегда было оружие. Русский сказочный герой отрывает меч-кладенец из-под холма; на практике это мог быть могильный курган.

Курганные захоронения известны у многих индоевропейских народов; они возникли в степях, на равнинах, но исходным обычаем индоевропейцев было погребение вождей на вершинах гор, сохранившееся у германских народов. В том и другом случае покойного вождя или воина снабжали всем необходимым для иной жизни, включая рабов, жен и лошадей. При этом их обычно убивали. Никому не приходило в голову «убивать», например, посуду. А вот

боевые мечи в кельтских погребениях обычно оказываются согнутыми или сломанными. Для чего это делалось?

Меч был не предметом, а одушевленным существом. Чтобы он мог служить покойнику в иной жизни, его надлежало «убить», как лошадь или раба, т. е. отметить знаком смерти – согнуть или сломать. Без этого меч остался бы «живым», а значит – непригодным для захоронения.

Этим изначально и объяснялось стремление героя сломать свой меч – не для того, чтобы лишить врагов драгоценной добычи, но чтобы самому иметь возможность пользоваться им после смерти. Почему это делает сам герой? Потому что он находится в исключительной ситуации, в окружении врагов, и не надеется на «правильное погребение». В сербском эпосе ситуация иная: Марко Краевич умирает от старости, перед этим он отрубает голову любимому коню, ломает свое копье, а палицу бросает в Дунай. Объяснение традиционное – «чтобы не достались врагам». Исходный смысл обычая утрачен. Конь и оружие всегда убивались для иной жизни умершего героя. А герой во многих мифах и сказаниях сам себя хоронил.

Понятие одушевленности оружия объясняет нам и древний обычай зарывания его в землю при окончании войны: такие «захоронения» были многочисленнее богатых могильников.

Широко известен обычай индейцев Северной Америки в знак прекращения войны зарывать в землю томагавки. Разве они не были нужны для мирной жизни (хотя бы для охоты)? Видимо, нужны, но другие. Оружие, испившее человеческой крови, не годилось для мирных целей: оно приобрело привычку к человечине, стало опасным, может «самовольно» наброситься на человека.

О том же говорит и древнерусская клятва при заключении мира: «да посечены будут мечами своими...» (см. выше). Произнося эту клятву, руссы клали оружие на землю. С тех пор до XX века демонстративное втыкание холодного оружия (например, штыка) в землю стало обозначать отказ от боя и мирные намерения – но не капитуляцию. Перевода не требовалось: символы и жесты – лучшее эсперанто.

В упомянутом уже эстонском эпосе «Калевипоэг» финский кузнец Туслар по просьбе героя сковал ему чудесный меч, но вскоре этим мечом Калевипоэг убил сына Туслара. Тогда кузнец заклил меч,

чтобы тот обратился против убийцы. Через много лет состарившийся Калевипоэг хотел достать роковой меч из ручья, в который он его когда-то уронил. Тогда заклятие Гуслара осуществилось, и меч отрезал своему бывшему хозяину обе ноги по колени.

В старом страхе перед оружием отразилась великая мудрость первобытных людей. Всякий убийца умрет от меча: «Поднявший меч от меча погибнет». Поэтому лучше всего вовремя похоронить его.

В железном веке такое захоронение меча мыслилось как его жертвоприношение. В истории археологической науки памятна сенсация, вызванная богатыми находками в швейцарской местности Ла Тен в прошлом веке. Когда уровень Невшательского озера понизился, в обнажившейся прибрежной зоне были найдены остатки удивительного поселения древнего кельтского племени гельветов (II – I века до н. э.). Поселение в Ла Тен дало имя латенской археологической культуре. В этом поселении были найдены деревянные колеса со спицами, деревянная посуда, очень мало керамики и непропорциональное множество оружия. Одних железных мечей там найдено 166, еще больше наконечников копий, дротиков, деревянных щитов и т. п. Ученые ломали головы над этим скоплением оружия. Выдвигались предположения, что в Ла Тене находился племенной «арсенал» гельветов. Но это крайняя модернизация: у кельтов, как и у других народов, стоявших на том же уровне развития, арсенал был в каждой хижине.

В настоящее время преобладает мнение, что древний Ла Тен был важным жертвенным центром кельтов и что оружие приносилось в жертву богам. Естественно, это совершалось при наступлении мира. Но, как было показано выше, благодарственная жертва оружия здесь имела свою подоплеку – суеверный страх перед ним.

В средневековой Германии сословие палачей сохраняло древний обычай: меч, отрубивший сто голов, подлежал погребению. Палачи собирались на тайные тризны и хоронили этот меч, ибо он становился опасным для людей – мог выйти из-под контроля. Этот обычай красочно описан в «Мемуарах» Генриха Гейне, в эпизоде с рыжей Зефхен, прекрасной внучкой вестфальского палача. По объяснениям Зефхен, меч, которым совершили сто казней, становился жестоким, злым и коварным и до такой степени затуманивал сознание держащего его человека, что тот мог направить его даже против брата или друга.

В обычаях погребения оружия, привыкшего к человеческой крови, отразились и наивность, и мудрость наших первобытных предков. Они, конечно, преувеличивали опасность своих мечей и томагавков, но для того, чтобы снова вырыть оружие, т. е. начать новую войну, требовались совет и решение всего племени. Эти «дикари» были осторожнее и осмотрительнее многих политиков XX века.

Итак, древние культовые мечи, оружие в погребениях воинов и просто оружие, зарытое в землю после войны, – вот те реальные прототипы «меча-кладенца», которые могли разыскиваться древнерусскими кладоискателями. Критически осмысляя летописное предание о том, как хазары испугались полянской дани мечами, Н.И. Костомаров совершенно правильно указывал: «Исторической правды факта, конечно, здесь нет ни капли. Не могли поляне дать от дыма по мечу, тогда мечи составляли редкость и драгоценность...»⁹.

Этот редкостью объяснялось то, что мечи специально ввозились из других стран или разыскивались в земле. Мечи, вырытые из земли, считались оружием богов или героических предков; они пользовались особенной славой, ибо на них лежал священный отблеск преданий.

¹ См.: Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л., 1979. С. 28, 208.

² Песнь о Нибелунгах. Л., 1972. С. 285.

³ История дипломатии. Т. 1. М., 1941. С. 116.

⁴ Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. М.; Л., 1964. С. 60.

⁵ Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. С. 206.

⁶ Там же. С. 231.

⁷ Распространенный сказочный мотив: Д 832; АТ 518 («Обманутые черти»). Из всех героев германского эпоса Зигфрид особенно близок к древним сказкам.

⁸ В знаменитом предании о Никите Кожемяке, укротителе змея, говорится, что плуг для Никиты сковал «святой Кузьма-Демьян, божий коваль».

⁹ Костомаров Н.И. Предания первоначальной летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях // Костомаров Н.И. Собр. соч. Т. 13. СПб., 1904. С. 130.